

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

«ЦАРЬ НАД ВСЕМИ
СЫНАМИ ГОРДОСТИ»
(ИОВ 41, 26)
И ГОСУДАРСТВО

Протоиерей Александр Задорнов

кандидат богословия, доцент
заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
доцент Сретенской духовной академии
доцент кафедры церковно-практических дисциплин
Общecerковной аспирантуры и докторантуры
им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
azadornov@yandex.ru

Для цитирования: *Задорнов А. В., прот.* «Царь над всеми сынами гордости» (Иов 41, 26) и государство // *Праксис.* 2025. № 3 (20). С. 137–146. DOI: 10.31802/PRAxis.2025.20.3.008

Аннотация

УДК 340.121

Статья представляет собою рецензию на монографию А. Филиппова «Восстание Левиафана». «Левиафан» Томаса Гоббса предстаёт здесь не просто как исторический памятник, а работающая модель того, как устроена власть. А. Филиппов подчеркивает: значение Гоббса огромно, оно в буквальном смысле слова не преходящее, не уменьшающееся, а только увеличивающееся со временем, и в двадцать первом веке это более очевидно, чем в восемнадцатом или девятнадцатом. В статье оценивается тезис о том, что Гоббс не «оправдывает тиранию», он бесстрастно описывает технологию выживания человеческого рода в условиях, когда «человек человеку волк». Левиафан страшен, но он — единственное, что отделяет нас от бездны.

Ключевые слова: практическая теология, философия права, государство, суверен, Т. Гоббс, К. Шмитт, А. Филиппов.

“The King over All the Children of Pride” (Job 41:26) and the State

Archpriest Alexander Zadornov

PhD in Theology

Head at the Department of Ecclesiastical and Practical Disciplines
at the Moscow Theological Academy

Associate professor of the Sretensky Theological Academy

Assistant Professor of Church and Practical Studies Department Saints Cyril
and Methodius Church-wide Post-graduate and Post-graduate Studies

Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

azadornov@yandex.ru

For citation: Zadornov Alexander, archpriest. “«The King over All the Children of Pride» (Job 41:26) and the State” *Praxis*, № 3 (20), 2025, pp. 137–146 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAXIS.2025.20.3.008

Abstract. The article is a review of A. Filippov’s monograph “The Leviathan Uprising”. Thomas Hobbes’ Leviathan appears here not just as a historical monument, but as a working model of how power works. A. Filippov emphasizes that Hobbes’ importance is enormous, it is literally not transitory, not decreasing, but only increasing with time, and in the twenty-first century this is more obvious than in the eighteenth or The nineteenth. The article evaluates the thesis that Hobbes does not “justify tyranny,” he dispassionately describes the technology of survival of the human race in an environment where “man is a wolf to man.” Leviathan is scary, but he is the only thing that separates us from the abyss.

Keywords: practical theology, philosophy of law, the state, the sovereign, T. Hobbes, K. Schmitt, A. Filippov.

Исследования доктора социологических наук Александра Фридриховича Филиппова по генезису формирования представления о государстве Модерна пользуются давним и заслуженным авторитетом в научном сообществе, да и просто у любопытствующего читателя. Новый сборник его статей¹, посвященный столь любимому мэтром отечественной социологии Томасу Гоббсу, несомненно, вызовет интерес у тех и других. Шесть статей, вошедших в новый сборник, посвящены обществу и государству как двум сторонам одной медали. Первая часть сборника отвечает за обретающее единство множество, вторая — за пребывание этого единого общества наедине с созданным им Левиафаном.

А. Филиппов неоднократно отмечает тот парадокс, что Томас Гоббс, писавший в XVII веке в разгар английской Гражданской войны, остается самым цитируемым и актуальным политическим философом в XXI веке. Его «Левиафан» — это не просто исторический памятник, а работающая модель того, как устроена власть. Ранее автор уже отмечал, что «значение Гоббса огромно, оно в буквальном смысле слова *не преходящее*, не уменьшающееся, а только увеличивающееся со временем...»². Гоббс пишет свою книгу не для узкого круга ученых, а для широкого круга сограждан, используя живой английский язык вместо латыни. Гоббсовский бэкграунд важен вообще для демонстрации того, что может выпасть на долю одного человека, наказанного долголетием (1588–1679 гг.). А. Филиппов отмечает интересное обстоятельство его рождения — мать родила его преждевременно от страха перед приближением Испанской Армады: «Она родила близнецов, меня и страх, — писал Гоббс — и с тех пор я люблю мир и ненавижу врагов родины»³. Обычный ход жизни английского эсквайра — учёба в Оксфорде, затем наставничество в семье Кавендишей, позволившая ему путешествовать по Европе и познакомиться с Галилеем и Бэконом, прерывается обращением к политологии и социологии, закончившимся написанием «Левиафана» в 1650 году в Париже в условиях роялистской эмиграции. Парадоксальным образом именно кромвелевцы увидели в ней аргументы в пользу новой власти, а сторонники короля и духовенство обвинили Гоббса в атеизме и оправдании убийц монарха.

- 1 Филиппов А. Ф. Восстание Левиафана: очерки о Томасе Гоббсе, политической философии и социальной теории. СПб., 2025.
- 2 Филиппов А. Ф. Устройство власти в «Левиафане» Томаса Гоббса // Гоббс Т. Левиафан. М., 2016. С. 5.
- 3 Там же. С. 7.

Анализируя философскую антропологию Гоббса, Филиппов отмечает, что мир для Гоббса — это мир движущихся тел (механистический деизм), познать который можно через «представление» (*imagination*) как «затухающее ощущение». Гоббс строит свою политику на физике. Человек для него — это сложный автомат, жизнь — лишь движение его тела. Для Гоббса власть не сводится к политическому посту, прежде всего это *наличные средства* для получения блага в будущем. Филиппов делает важный вывод: гоббсовский человек не просто «жаден», он *рационально озабочен своим будущим*. Так как будущее неопределенно, единственный способ гарантировать себе безопасность завтра — это наращивать могущество сегодня.

Филиппов обращает внимание на трудности перевода английского *power*, которое на русском может означать и «могущество», и «силу», и «власть». Гоббс сводит все страсти к желанию власти, так как она — средство обеспечить благо в будущем: «Счастье состоит в постоянном удовлетворении все новых желаний, а раз так, то лишь способность, сила остается постоянной... лишь она является условием счастья»⁴. Даже слава человеческая — это радость от сознания собственной силы. Слава как репутация могущества сама становится мощью.

Также неоднократно в своих текстах Филиппов разъясняет знаменитую концепцию «войны всех против всех». Он подчеркивает, что Гоббс не считал это состояние историческим этапом: «Состояние войны он называет естественным потому, [что] между людьми, если ничто тому не препятствует, сама собой, то есть естественным образом, возникает распря»⁵. Для Гоббса люди равны по способностям, из этого равенства возникает равенство надежд, из равенства надежд при ограниченности ресурсов возникает недоверие и вражда. Мир для Гоббса — это искусственное состояние, созданное «искусством» (мастерством) человека, война — это «оборотная сторона мира», то, что наступает при нарушении договоров. Интересно как Филиппов анализирует конструирование Гоббсом понятия «лицо» (*person*): человек как *actor* (актер, действующее лицо) может действовать от своего имени или по поручению другого (*author*, то есть виновник, доверитель). В этом контексте возникает парадокс авторизации: передавая права суверену, подданный утрачивает способность действовать от своего имени, но продолжает нести ответственность за действия суверена. Относительно прочей терминологии А. Филиппов отмечает, например, что Гоббс использует

4 Там же. С. 18–19.

5 Филиппов А. Ф. Устройство власти в «Левиафане» Томаса Гоббса // Указ. соч. С. 21.

термин *covenant* (торжественный завет), имеющий теологические корни, а не просто юридический *contract*.

Что касается сущности Левиафана, то для российского социолога важно, что олицетворяемое им государство предстаёт не просто «смертным богом», но прежде всего тем «единым лицом», которое объединяет «множество» (*multitude*) в народ. Филиппов указывает, что Гоббса часто ошибочно считают врагом свободы, на самом же деле подданные обладают большой свободой в тех областях, которые не регулируются законом (торговля, образ жизни, воспитание детей). Лишь недостаточность верховной власти, мятежные учения (например, о том, что каждый человек — судья добрых и злых дел) и претензии духовной власти на руководство светской могут погубить библейского зверя и рассеять созданный благодаря ему народ.

Весь «Левиафан» — это трактат о власти. Власть суверена служит результатом самопорождения политического единства, и Гоббс жестко ограничивает власть государственными границами, отрицая концепции международного права: «Нет высшей инстанции, чем суверен, нет действующего права выше, чем национальное»⁶. Филиппов предостерегает от упрощенного понимания «естественного состояния» как исторического периода. Это *теоретическая фикция*, описывающая, что произойдет с людьми, если убрать государственную власть. Война — это не только битва, а *состояние*, когда воля к борьбе очевидна. В этом состоянии жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, зверина и кратковременна. Здесь нет ни права, ни собственности, ни справедливости, ибо они — продукты закона, а закона нет без общей власти. Филиппов детально разбирает механизм «авторизации», когда множество людей соглашается на то, чтобы один человек или собрание лиц представляли их всех. Каждый подданный признает себя «автором» действий суверена, а значит жаловаться на него означает жаловаться на самого себя.

Гоббс, как помним, называет государство Левиафаном или «смертным богом»: «Страшен Левиафан, справедлив смертный бог. Но что значит „справедлив“? Дело в том, что после объединения в государство все определения правого и неправого переходят к суверену»⁷. Филиппов подчеркивает, что суверен стоит *вне* договора (он не сторона договора, а его результат), поэтому он не может его нарушить. Его власть абсолютна, потому что она — единственный гарант того, что люди не вернутся в состояние войны.

6 Там же. С. 35.

7 Там же. С. 29.

В своё время А. Филиппов проанализировал столкновение двух крупнейших школ интерпретации Гоббса: Кембриджской (Квентин Скиннер) и Сорбоннской (Ив Шарль Зарка). Скиннер настаивает на том, что Гоббса нужно читать исключительно в контексте его времени, поскольку «Левиафан» — это ответ на радикальные республиканские идеи того времени. Гоббс пытался доказать, что свобода совместима с абсолютной властью. Филиппов отмечает: «Скиннер доказывает, что Гоббс, воспитанный в традиции ренессансного гуманизма, выработал концепцию, прямо противоположную той, что отстаивалась в рамках этой традиции»⁸. И. Зарка спорит со Скиннером, утверждая, что исторический контекст не может исчерпать философскую истину Гоббса и вводит понятие «трансфактичности» — логика Гоббса работает всегда, когда речь идет о человеческой природе.

Филиппов пишет о позиции Зарка: «Всякая интерпретация, предполагающая рационализацию собственных положений автора, должна в результате впасть в зависимость от изъятий из текста... Трудно понять, каким образом это приравнение „смысла“ абстрагированной [из текста] когерентности могло хоть когда-то считаться самоочевидным выводом»⁹.

А. Филиппов солидарен с тем, что «Левиафан» — это не просто реакция на события 1640-х годов, а глубокая антропологическая конструкция и специально анализирует понятие *conatus* (старание, усилие) — внутреннее начало движения в человеке. Все страсти (желание и отвращение) суть формы *conatus*: «Человек совершает действия, и эти действия имеют причины. Действия порождают в основе энергетики желания или отвращения. Эта энергетическая составляющая описывается Гоббсом как *conatus* (усилие)»¹⁰. Такое отношение делает Гоббса чуть ли не предтечей психоанализа, ведь для него разум не противостоит страстям, а является их инструментом, разумная воля — это просто «последнее желание в процессе обдумывания». Филиппов объясняет, почему в естественном состоянии «договоры без меча — лишь слова». С точки зрения теории игр, человеку выгодно нарушить договор первым, пока его не обманул партнер: «Когда два человека вступают в соглашение и оба они обладают разумом, то есть способностью взвешивать средства, необходимые для самосохранения, наиболее разумным для каждого будет нарушить соглашение и начать войну»¹¹. Поэтому

8 Филиппов А. Ф. *Sociologia*. Наблюдения, опыты, перспективы: в 2 т. Т. 2. СПб., 2015. С. 157.

9 Филиппов А. Ф. *Sociologia*. Наблюдения, опыты, перспективы: в 2 т. Т. 2. СПб., 2015. С. 158.

10 Там же. С. 190.

11 Там же. С. 174.

единственный путь сделать мир рациональным лежит через внешнюю силу (суверена), которая сделает наказание за нарушение договора более страшным, чем выгода от обмана.

А. Филиппов анализирует знаменитый тезис о том, что страх заставляет людей объединяться, что является не трусостью, а «благоговейным трепетом» перед превосходящей мощью: «Благоговейный трепет почитания превосходящей человека мощи примечателен тем, что вызывает творение человеческое. Человек сам создает нечто страшное, и слов нашего языка не хватает, чтобы передать ужас преклонения перед ним»¹². Филиппов обращает внимание на Введение к «Левиафану»¹³, где Гоббс сравнивает органы государства с органами человека:

Верховная власть — искусственная душа.

Судьи и чиновники — суставы.

Награда и наказание — нервы.

Благосостояние — сила.

Гражданский мир — здоровье.

Смута — болезнь, а гражданская война — смерть.

Здесь кроется ключевой вывод А. Филиппова: «Левиафан» Гоббса выступает грандиозной теодицеей этого смертного бога. Власть суверена оправдана тем, что она избавляет человека от величайшего зла — насильственной смерти. Гоббс первым показал, что свобода невозможна без предварительного установления порядка, потому что свобода «в лесу» (в естественном состоянии) есть право быть убитым, настоящая свобода появляется только в «тени» законов Левиафана. Власть суверена держится не на Божественном праве, а на том, что он *представляет* каждого подданного. Суверен является актёром, который играет роль, порученную ему народом. Любая попытка разделить власть (между королем и парламентом, между Церковью и государством) ведет к болезни и смерти Левиафана.

Сегодня, в эпоху глобальной нестабильности и «новых войн», гоббсовская модель снова становится актуальной. Его вопросы о том, почему мы должны повиноваться власти и какова цена безопасности, остаются главными вопросами современности: «Мир, который должен был бы быть собран в этой конструкции, раскалывается. Что тогда есть в этом мире — поклонение и трепет? Возможны ли они вообще, коль скоро речь идет о человеческом создании?»¹⁴. Гоббс не «оправдывает тиранию»,

12 Там же. С. 198.

13 Гоббс Т. Левиафан. М., 2016. С. 54.

14 Филиппов А. Ф. Sociologia. Наблюдения, опыты, перспективы. Т. 2. С. 205.

он бесстрастно описывает технологию выживания человеческого рода в условиях, когда «человек человеку волк». Левиафан страшен, но он — единственное, что отделяет нас от бездны.

Говоря о роли Гоббса в XX столетии, разумеется, рано или поздно придётся столкнуться с Карлом Шмиттом. Книга Карла Шмитта «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса» (1938), исследование политической философии английского философа, написано в условиях нацистской Германии. Согласно Филиппову, скомпрометированный связями с нацистами, но затем оттесненный от власти, Шмитт пишет «эзотерический» текст, в котором Шмитт через анализ краха символа «Левиафана» анализирует судьбу европейской государственности, природу власти и причины краха суверенного государства¹⁵.

Шмитт начинает с анализа образа Левиафана как воплощения хаоса, зла или дьявола, которого должен победить Бог. Гоббс совершает революционный шаг: он берет этот пугающий мифологический образ и превращает его в символ мира, порядка и защиты. Шмитт показывает как Гоббс конструирует государство, сначала оно предстает как «Большой Человек» (макроантропос), но постепенно трансформируется в «Большую Машину» (*machina machinarum*). Это первый шаг к технократическому пониманию политики. Государство Шмитта предстает искусственным механизмом, созданным лишь для одной цели — обеспечения физической безопасности граждан. Легитимность такого государства основана не на Божественном праве или традиции, а на его эффективности и функциональности. Так рождается фундаментальная формула Гоббса и Шмитта: *Protego ergo oblige*, акцентирующая связь защиты и повиновения. Подданный обязан подчиняться государству лишь до тех пор, пока оно способно гарантировать его физическую безопасность. Если государство не защищает, обязательство повиноваться исчезает.

К. Шмитт утверждает, что Гоббс, пытаясь остановить религиозные гражданские войны, ввел роковое разделение на публичное (внешнее поведение, культ и исповедание веры полностью подчинены суверену) и частное (внутренняя вера (*fides*) остается свободным делом индивида, его мысль свободна, пока она не нарушает внешний порядок). Шмитт считает именно эту, казалось бы, незначительную оговорку о свободе совести «зерном смерти», которое разрушило Левиафана изнутри, ибо в эту щель между «внутренним» и «внешним» проник либерализм. Апологеты последнего (в первую очередь Спиноза, а затем

15 См. предисловие А. Филиппова к русскому переводу этой монографии К. Шмитта в изд.: Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб., 2006.

Мендельсон и другие, на чьем еврейском происхождении Шмитт в Германии 1938-го года делает акцент) использовали право на внутреннюю свободу, чтобы начать критиковать государство извне. Постепенно «частное мнение» в Европе Модерна начало судить публичную власть, в результате чего возникли «косвенные власти»: политические партии, профсоюзы, церковные структуры, тайные общества, капитал. Эти силы влияют на управление государством, но не несут за это ответственности и рисков, в отличие от суверена.

Шмитт заключает, что символ Левиафана потерпел неудачу, ведь для континентальной Европы (Франция, Пруссия) государство стало бюрократической машиной, лишенной мифической силы, а в Англии победила не модель абсолютного государства, а морской прагматизм и парламентаризм. В итоге «чудовище» было поймано и уничтожено, так как государство потеряло монополию на политику, став жертвой плюрализма интересов. Гоббс в своей книге превратил государство из органической общности или сакрального института в технически совершенную машину. Это породило эпоху нейтрального государства, где закон — это просто инструмент управления, лишенный морального содержания (легитимность заменяется легальностью).

По Гоббсу (в интерпретации Шмитта) истину творит не мудрость, а власть (*Auctoritas, non veritas facit legem*). Чтобы прекратить войну всех против всех, нужен волевой акт суверена, который положит конец спорам о том, что есть «добро» и «зло». Однако либеральное разделение на государство и общество, на право и мораль, привело к тому, что государство оказалось сковано «косвенными властями». Частные интересы захватили государство, используя его мощь, но парализовали его волю. Шмитт через Гоббса описывает трагедию современного государства. Оно создавалось как мощный механизм для прекращения гражданской войны, но погибло от рук либерализма, который, используя право на «внутреннюю свободу», разложил государственное единство. Попытка создать «смертного бога» провалилась. Левиафан перестал быть грозным мифическим символом единства и превратился либо в бездушную бюрократическую машину, либо в марионетку в руках частных групп. Эпоха классического понятия суверенной государственности подходит к концу.

Первая статья нового сборника А. Филиппова («Фронтиспис «Левиафана»: сбежавшее множество обретает единство») демонстрирует виртуозное мастерство автора в интерпретации визуальных символов власти: «Не крепости и дороги, не труд и торговля, не церкви и не жилые

строения составляют государство, но именно *совокупность людей, организованная в единство*, строго подобное — так это показано и так это описано в самом начале книги — *человеческому телу*»¹⁶.

Очень своевременное напоминание — и о государстве, и о человеке в нём.

Библиография

- Гоббс Т. Левиафан / под общ. ред. А. Ф. Филиппова. М.: Рипол Классик, 2016.
- Филиппов А. Ф. Восстание Левиафана: очерки о Томасе Гоббсе, политической философии и социальной теории. СПб.: Владимир Даль, 2025.
- Филиппов А. Ф. Sociologia. Наблюдения, опыты, перспективы: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. С. П. Баньковской. СПб.: Владимир Даль, 2015.
- Филиппов А. Ф. Устройство власти в «Левиафане» Томаса Гоббса // Гоббс Т. Левиафан / под общ. ред. А. Ф. Филиппова. М.: Рипол Классик, 2016. С. 5–45.
- Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2006.